

ПАТОРЖИНСКИЙ — ИВАН КАРАСЬ

«Лит. гал.»
22. VII. 53.

Чудесный актер! Время как будто не властно над ним, над его искусством: таким же молодым, радостным, освещенным солнцем, каким впервые москвичи увидели это искусство на первой украинской декаде свыше 15 лет назад, предстает оно ныне в новом фильме «Запорожец за Дунаем». Только мастерство Паторжинского стало еще глубже, разностороннее, свободнее и, хочется сказать, виртуознее.

Есть какое-то непередаваемое обаяние в искусстве Паторжинского. Это обаяние — и личное, «паторжинское», и не только личное, — обаяние украинской народной музыки, которая составляет стихию мастерства Паторжинского. Про его искусство с одинаковым основанием можно сказать: вот профессиональная музыкальная и театральная культура, выросшая целиком на народной почве, или — вот народное творчество, обогащенное, поднятое на громадную высоту профессионального мастерства. В этом синтезе — секрет неувядаемой молодости актера и, в частности, созданного им и ставшего подлинно классическим образа Ивана Карася — запорожца, попавшего в злую неволю за Дунай, к турецкому султану, но ни на миг и здесь не забывающего свою отчизну.

Паторжинский удивительно естественно и просто раскрывает все богатство образа своего любимого героя, подчеркивая в нем гордую непримиримость старого воина-сечевика, веру в народ, неиссякаемую любовь к родине. И если «Запорожец за Дунаем» включал в себя многие свойства характеров гоголевского Чуба и Каленика и до туретчины, надо думать, частенько на Сорочинской ярмарке в шинках попивал горилку, то артист наделил его и другими чертами. Когда в конце фильма к левому берегу Дуная, к родной русской стороне, отправляются струги возвращающихся домой запорожцев, стоящий на передней лодке Иван Карась — Паторжинский своей живописной красотой, мужественностью и воинской отвагой как бы напоминает, что он «одного народа», одного племени с гоголевским Тарасом Бульбой!

За последние годы создано несколько оперных киноинсценировок. Они показали, что новый киножанр открывает огромные возможности для широчайшей пропаганды оперного искусства. Но оказывается, что и кино, в свою очередь, ставит некоторые серьезные творческие задачи перед оперой, киноэкран предъявляет свои требования к оперному актеру. Дело не только в новых масштабах, новой обстановке для развертывания, скажем, массовых сцен (достаточно вспомнить сцену «Под Кромами» в фильме «Мусоргский!»). Не менее важно то, что кинообъектив приближает оперного певца к зрителю: крупный план дает возможность следить за мимикой актера, наблюдать за внешним выражением малейших душевных переживаний героя. Масштабы большой оперной сцены обычно скрадывают не только детали грима, они оставляют почти вне досягаемости зрителя лицо актера. Кино ликвидирует эту дистанцию. И в нескольких оперных фильмах сразу открылось, что многие оперные артисты не владеют искусством мимики, лицо их остается неподвижным и маловыразительным.

Не то у Паторжинского. В фильме «Запорожец за Дунаем» он демонстрирует редкое на оперной сцене владение искусством мимической игры, филигранную сценическую отделку музыкального образа, богатство красок, разнообразие тончайших психологических переходов. Вся внутренняя жизнь Ивана Карася — Паторжинского — у него на лице. И это не только привлекает само по себе, но и усиливает выразительность музыкального исполнения. Полная слитность музыкального и сценического образа в исполнении Паторжинского таковы, что делают его запорожца Карася достижением одновременно и оперного и киноискусства.

М. СОКОЛЬСКИЙ